

После такого переполоха Старина Гэ ожидал, что Чэн Фэнтай отправится домой, переоденется и выпьет чаю, а затем позовет Фань Ляня для обсуждения ситуации. Однако, когда они подъехали к дому, Чэн Фэнтай махнул рукой, чтобы ехать дальше, и направился к Шан Сижую. Сяо Лай сидела во дворе, греясь на солнце и перебирая овощи. Увидев Чэн Фэнтая, она закатила глаза, думая: «Сколько раз ты собираешься приходить? Ты что, считаешь это место своим домом?» Чэн Фэнтай, которого беспокоили осколки стекла, не стал заигрывать с Сяо Лай и, не задерживаясь, вошел в дом.

Шан Сижуй, не спавший всю ночь, теперь сладко дремал, свернувшись калачиком в теплой комнате, где горел уголь. Было уже ближе к полудню, и солнечные лучи, проникая в комнату, освещали пылинки, парящие в воздухе. Свет падал на стол из грушевого дерева, на фарфоровые банки, на разноцветные маски и на висящий на стене чаншань. Дыхание Шан Сижую было ровным, и каждая деталь в комнате дышала его присутствием. Мгновение было настолько прекрасным, что Чэн Фэнтай не решался его нарушить. Он долго стоял у кровати, наблюдая за спящим. Но осколки стекла в спине беспокоили его, и он, подойдя к жаровне, начал снимать одежду, вытряхивая из шерстяного жилета несколько острых кусочков хрусталя. Звук упавших на пол бусин разбудил Шан Сижую. Тот открыл глаза и, увидев, что Чэн Фэнтай раздевается, пробормотал:

— Ты, мерзавец...

Чэн Фэнтай не собирался шалить, но раз уж его так назвали, решил продолжить. С хитрой улыбкой он забрался под одеяло к Шан Сижую, обнял его и начал ласкать. Шан Сижуй, еще сонный, не сопротивлялся.

Чэн Фэнтай, продолжая свои действия, шутливо спросил:

— Почему ты такой вялый сегодня? Неужели Командующий Цао тебя покалечил?

Шан Сижуй посмотрел на него с упреком:

— Если продолжишь, я тебя обмочу!

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Сегодня язык у тебя острый! Только ты можешь так говорить! Кто бы другой, я бы даже смотреть не стал, а тут тебе помогаю! Даже своим детям я не помогал с горшком!

Его рука внезапно замерла, и он жалобно добавил:

— Я пошел к Командующему Цао, рискуя жизнью, а ты тут сладко спишь! Совсем бессердечный!

Шан Сижуй перевернулся:

— Ну что, тебя подстрелили?

— Чуть не попал, пуля пролетела прямо у меня над головой. Но я ловкий, все увернулся. Если бы он не был моим шурином, я бы его разоружил! Что за командующий!

Он не стал упоминать, что просто убежал, и продолжал хвастаться.

Шан Сижуй, заинтересованный, приподнялся:

— Правда? Зачем он тебя стрелял? Расскажи!

Чэн Фэнтай, вспоминая события, с легкой яростью в голосе ответил:

— Как думаешь, зачем я пошел к нему? Я сказал: «Командующий Цао! Как ты посмел обидеть Шан Сижую? Такого красивого человека! Ты знаешь, какой он драгоценный? Сейчас я тебя прощаю, но знай: отныне Шан Сижуй — мой человек! Если ты посмеешь тронуть его снова, я порву все связи с семьей Цао!»

Чэн Фэнтай говорил с жаром, а Шан Сижуй слушал с серьезным выражением:

— Ух ты! Командующий Цао, наверное, взбесился! А Чэн Мэйсинь? Она слышала?

Чэн Фэнтай кивнул:

— Конечно, она плакала.

Шан Сижуй, довольный, хлопал в ладоши, но его злость была направлена не на Командующего Цао, а на Чэн Мэйсинь:

— Отлично! Пусть она сдохнет от злости!

Чэн Фэнтай, обняв его, шепнул на ухо:

— Шан Сижуй, давай будем вместе?

Тот без колебаний согласился:

— Конечно!

Но не понял глубины этих слов:

— Разве мы не всегда вместе?

Чэн Фэнтай, мягко улыбаясь, продолжил:

— Тогда договоримся: больше ни с кем не спи. Не только с Командующим Цао, но и с этими красавчиками. Меня это бесит.

Шан Сижуй согласился, но затем спросил:

— А твоя Вторая госпожа?

— Она не в счет.

Шан Сижуй тоже считал, что Вторая госпожа не в счет, так как Чэн Фэнтай всегда был на стороне и не казался женатым человеком. К тому же, когда он говорил о Второй госпоже, это звучало скорее как уважение к главе семьи, а не как к жене. Но Шан Сижуй все же сказал:

— Почему она не в счет? Если с женой спать можно, то я тоже женюсь!

— С кем быть и как быть — это мой выбор. Со Второй госпожой — это обязанность, а не желание. Я не такой, как Чан Чжисинь, — с достоинством заявил Чэн Фэнтай.

В то время, хотя новые идеи и пропагандировались в прессе, общество все еще придерживалось старых устоев. Новые взгляды не всегда считались правильными, а старые — всегда. Например, Чан Чжисинь, разведясь и женившись на Цзян Мэнпин, был осужден обществом. Его старые друзья, кроме Фань Ляня, отвернулись от него, и он оказался в изоляции. Люди считали, что он потерял голову из-за лицедея, хотя мог бы сделать ее наложницей. Но он выбрал развод, что было воспринято как предательство.

Шан Сижуй, придерживавшийся старых взглядов, кивнул:

— Ты, Второй господин, действительно порядочный. Но что, если Вторая госпожа захочет нас разлучить?

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Этого не случится. Даже если бы ты был женщиной, это было бы невозможно.

— А если бы она потребовала: либо расстаться со мной, либо развестись с ней?

Чэн Фэнтай засмеялся еще громче:

— Ты совсем фантазируешь! Если бы у нее были такие мысли, она бы никогда не вышла за меня замуж. Она из знатной семьи, и даже если бы она развелась, у нее было бы множество женихов. Она просто придерживается старых принципов: однажды выйдя замуж, она останется верной до конца.

Шан Сижуй восхитился:

— Вторая госпожа — настоящая праведница. В прежние времена она бы получила награду за верность. А ты, полуиностронец, не ценишь это, и она зря с тобой связалась.

Чэн Фэнтай, услышав это, вздохнул:

— Я действительно не ценю это. Все говорят, что я ветреный, но Вторая госпожа, хоть и верная, никогда не любила меня. Если бы она вышла замуж за кого-то другого, она бы так же хранила ему верность. Я для нее — просто обязанность. Она заботится обо мне, потому что это ее долг, а не из-за любви. Я для нее — как проект, который нужно вести с умом и достоинством. «Искусство управления домом», «искусство супружества» — но ни слова о любви.

<http://bllate.org/book/15435/1368653>